

Барматова С. Изменение места и роли коммуникации в современном мире // Социология: теория, методы, маркетинг / С. Барматова. – 2009. – №3. – С. 158-168.

4. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. 5 изд. испр. и доп. / Рада Михайловна Грановская. – СПб.: Речь, 2007. – 655 с.

5. Менечетти А. Введение в теорию онтопсихологической музыкотерапии. // Методы эффективной психокоррекции: [хрестоматия] / сост. К.В. Сельченко / Антонио Менечетти. – Мн.: Харвест, 2003. – С. 531-576.

6. Немов Р.С. Психология. В 3-х кн. Кн. 1: Общие основы психологии: [учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений] / Роберт Семенович Немов. – 5-е изд. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008. – 687 с.

7. Основы психологических знаний / авт.- состав. Г.В. Щекин. – 4-е изд., стереотип. – К.: МАУП, 2001. – 128 с.

8. Рейковский Я. Исследования выражения эмо-

ций // Психология мотивации и эмоций: Хрестоматия. / сост. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман / Януш Рейковский. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – С.423-430.

9. Словарь для начинающего психолога. / Под общ. ред. И.В. Дубровиной. – СПб.: Питер, 2008. – 160 с.

10. Уткина А.Д. Соціально-психологічна адаптація іноземних студентів у вищих навчальних закладах / А.Д. Уткина // Науковий вісник. Збірник наукових праць Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського. – 2011. – №3-4. – С.120-126.

11. Фомич А. Художник должен быть голодным / Алена Фомич / Юг. Независимая газета. – 2005. – 10 сентября.

12. Tajfel, Turner J. An integrate theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relation. Montrey, Calif, 19-9.

Подано до редакції 08.10.12

УДК: 159.925.8+159.932

В. П. Зинченко (Россия, г. Москва)

СЛОВО – ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП ДУХОВНОСТИ, ПОЗНАНИЯ И ДЕЙСТВИЯ

В статье сделана попытка раскрыть положение Г.Г. Шпета, что слово является первым и главным принципом человеческого познания. С рождения ребенок попадает в атмосферу (духосферу, когитосферу, семиосферу) слова, которая обволакивает его, проникает в душу и становится внутренней формой образов, движений, действий, состояний и чувств. В 1,5–2 года, когда начинается эксплозия, "вулканический взрыв" детской речи, слово выходит наружу не звуком пустым, а несет в своей внутренней (виртуальной, идеальной, превращенной) форме образы, действия, аффекты, предметные значения и смыслы. Становясь внешней формой, слово сохраняется во внутренней форме действий, образов, чувств или программ их актуализации, принимая форму невербального внутреннего слова. Проблематика гетерогенности и гетерогенеза слова, образа и действия обсуждается в контексте культурно-исторической психологии и психологии творчества.

Ключевые слова: Слово, образ, действие, внешняя и внутренняя формы, гетерогенность, гетерогенез, начало, когито, понимание, интеллигибельная интуиция, развитие, культура, субъект, личность, творчество.

В моем начале — мой конец <...>
В моем конце мое начало.

Т. Элиот

В начале было Слово...

Ин. 1.1

От всего человека вам остается часть Речи.

И. Бродский

Вначале несколько слов о фоне, на котором проводится конференция. Его трудно назвать благоприятным. Грех не-чтения (И. Бродский), как клиповое мышление вместе с туннельным сознанием, распространяются все шире. Спустя почти двести лет после пушкинского Онегина, можно повторить: *Так воспитаньем, слава Богу, опять* (В. З.) *немудрено блеснуть*. Мы почти рады, когда ученик пишет, что "Евгений Онегин пришел и спросил: "Скажи-ка, дядя, ведь недаром...". Значит, наш питомец знает не только Пушкина, но и Лермонтова. Не

удивительно, что на таком фоне с разных сторон раздаются стенания о бездуховности. И не только молодежи. С.С. Аверенцев говорил, что бездуховность – плохое слово. "Нет бездуховности. Потому что дух может быть божественным, либо сатанинским, либо никаким. Но это же все равно дух". Мераб Мамардашвили сказал: "Духовность – это не болезнь". Читаем у Густава Шпета: "В действительности дух народа определяется по его литературе, а не есть нечто, из чего можно было бы ее объяснить. <...> Литературное сознание есть само историческое сознание, сознание историческим родом или, сознание что - то же, народом своего собственного культурно-исторического становления бытия. <...> Народ, не имеющий литературы, остается доисторическим, остается докультурным" [19, с. 171]. Добавлю, воспользовавшись "плохим словом", - бездуховным. Не стану углубляться в объективные и субъективные причины возникновения и распространения греха "не-чтения", которым, кажется, грешит не только наша страна. Люди

больше интересуются числом, которое, по словам Ш. Бодлера, пьянит. Слово же способно отрезать!

Попытаюсь прикоснуться к тайне силы слова, урата которой делает человека бездомным, лишает его человеческого облика.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ СЛОВА

Если *начало* (см. эпиграф) отнести к жизни отдельного человека, то *между* началом и концом, обозначенным в приведенных фразах, располагается хронотопия сознательной и бессознательной жизни человека. *4 В Нем* (в Слове) *была жизнь, и жизнь была свет* *человекам* (так в переводе С. Булгакова). *14 И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины* (Ин., 1).

Все ясно только в мире слова.

Вся в слове истина дана.

Ф. Сологуб

Как и вся ложь: *Мысль изреченная есть ложь*. Для одного Слово — это Бог, для другого бог — всего лишь слово. Для одного Слово — Дух, для другого — всего лишь буква. Мы не знаем судьбу слов, среди которых живем, сказал в свое время мудрый В. Шкловский. Сегодня трудно назвать завидной судьбу русского слова. На эллинистической природе русского языка не лучшим образом сказались многолетние старания *самозванцев мысли, печальных наборщиков готового смысла, торговцев смыслом жизни, манипуляторов сознанием*. Лишенная вкуса к слову идеология разрушает язык не только как средство общения, но и как инструмент мышления.

* * *

Г.Г. Шпет настаивал на том, что не чувственность, не действие, а слово, рассматривавшееся им как социальная вещь, есть первый и главный *principium cognoscendi*. Л. С. Выготский назвал слово зародышем науки. М. Хайдеггер пошел еще дальше, сказав, что *язык — Дом бытия*. Имеется в виду, конечно, язык говорящий, т.е. слово. Как оно им становится? На каком основании можно считать слово главным принципом познания?

Слово, будь оно истиной или ложью, воплощается в дело. В.Л. Рабинович, специально анализировавший соотношение слова и дела в библейских текстах, показал, что в них слово приравнено к делу, зовет к действию, чревато делом. Слово Иисуса Христа удостоверяется деянием, действием, чудом, поступком. Такое исполненное и наполненное делом слово *вочеловечивается* [15, с. 143-145]. А человек становится словесным существом, по Ж. Лакану — *parlêtre*, буквально — *слоществом*. "Слово Откровения ближе к поэтической речи, чем к теоретическому дискурсу <...> это поэтический язык, который однако не может увлекаться описаниями и динамичен по своей природе. Такое слово — не рассуждение, не описание, а "делание"" [1, с. 825]. Разлад между словом и делом не безобиден:

О бездарный разлад

между делом и словом!

Ты, разлад, как разврат:

с кем повёлся — тот сломан.

Р. Казакова

Согласно В. Гумбольдту, слово — это энергия, сила, деятельность. Оно же действие, перформатив, поступок:

Солнце останавливают словом,

Словом разрушают города.

Н. Гумилев

Что там Солнце. Когда кухарки освободили кухни и начали управлять государством, произносимое на них незлое, тихое слово порушило (до основания ли?! *Союз нерушимый*. Его конец предсказали дети, когда в 1971 году во время пышных торжеств в честь 100-летия В.И. Ленина они стали приносить из детских садов и начальной школы анекдоты о нем [9]. Надеюсь, мы увидим, на что способно молчаливое "бульварное", громкое "площадное" и написанное блоггерское слово? Их объединяет то, что они являются свободными словами. И. Бродский, конечно, был прав, говоря, что словесность — дочь свободы. Столь же верно, что словесность, слово расширяют число степеней свободы поведения и деятельности, как прав и В. Шкловский, утверждавший, что слово освобождает душу от тесноты. Надежда на слово оправдана тем, что само слово уже есть событие. В.В. Библихин ставит вопрос: "Где же событие? В сочетании слов? В "переживании"? Или — или оно уже есть в Слове, слове, и только войти, принять, донести, — в словесном существе человека, только не изменить ему?" [4, с. 376]. То же и с делом: "всякое дело всегда в слове, в том смысле что всякое дело раньше чем его хотят описать, выразить, высказать, занести в историю, уже подключено к смыслу, основе слова" [4, с. 369]. Даже не услышанное или услышанное, но вытесненное и замолчанное слово имеет свойство сбываться.

Смысл, лежащий в основе слова, витает над делом, действием, в том числе над перцептивным, мнемическим, умственным. Библихин не склонен разделять многократно в разных языках переплетенные дело и слово, "речь" и вещь, событие, легенду, историю.

Там, где дело, нужен его образ — образ действия и его обстоятельств. Значит, слово также свет, опыт и образ, оно позволяет видеть невидимое. Введение эйдосов получилось из рассмотрения словопонятий, — писал Аристотель. Похоже у Б. Пастернака: *Образ мира в слове явленный*. Словом же и воздвигнутый. В нем же явлена и личность и ее внутренний мир (*внутренний Град*). Слово не только зачинатель и актуализатор образов. Оно само не только термин, но и образ. "Слово — не обман, не символ только, слово — действительность, вся без остатка действительность есть слово, к нам обращенное, нами слышимое <...> Пластика, музыка, живопись — словесны. Такова — внешность их; через словесность, присущую им, они действительны. Это — реально-художественный язык" [19, с. 196-197]. Например, "танцеслово", балет. Богослов Карл Барт в эссе о Моцарте писал, что его музыка сопровождает, обыгрывает слово, соответствует слову, возникает благодаря слову — но возник-

нув, обретає свою власну життя і живе їю.

В слові концентруються і в ньому ж виражаються наші почуття, переживання, емоції. Православна традиція прирівнює слово до любові (П.А. Флоренський). В слові виражаються як "доводи серця", так і "доводи розуму". Таким чином, живе слово, як і образ, як і живе рух (діяльність), поза якого неможливі ні актуалізація, ні втілення перших, містить в собі головні атрибути душі: розуміння, почуття і воля. *Слово – Психея*, – сказав О. Манделштам. В свою чергу, душа, розглядавана як перша інтелекція тіла, виражає себе в тонких коливаннях, т.е. в тому ж живому русі, в слові, в образі, в дії. Подібність слова душі не повинно бути несподіваним. Воно не перше. Приведу поразливо близькі за змістом висловлювання про те, що собою представляє творіння мистецтва. В. Гумбольдт: "Всяке творіння мистецтва, як і створеного його митця, можна розглядати як самостійну особистість. Це живе ціле. Воно має внутрішню силу і життєвий принцип, нагорода котрому воно впливає на визначений образ" [7, с. 224]. В.В. Кандинський: "істинне творіння виникає таємничим, загадковим, містичним чином "з митця". Відокремившись від нього, воно отримує самостійне життя, стає особистістю, самостійним духовно дихаючим суб'єктом, ведучим також і матеріально реальне життя, воно стає *сущістю* <...>. Воно живе, діє і бере участь в створенні духовної атмосфери" [10, с. 99]. Ітак, мистецтвенне творіння — живе істоту, суб'єкт, особистість, свого роду об'єктивована суб'єктивність Мастера. В основі мистецтвенного творіння, будь воно вербальним або невербальним, лежить слово. Воно обов'язково входить в його внутрішню форму. Отже, приведені вище подібності стосуються до слова. Керуючись близькою логікою, А.В. Запорожець відокремившись від людини діяльність розглядав як зовнішній суб'єкт. О. Манделштам говорив: "Голос — це особистість". Закінчивши цей перелік подібностями Г.Г. Шпета: Особистість є слово, і потребує свого розуміння. Вона має свої почуттєві, онтичні, логічні і поетичні форми. Це твердження Шпета пов'язано з іншим: Об'єкт є предмет і суб'єкт разом. Розширяючи це положення, можна сказати, що *культура*, розглядавана як об'єкт, *є слово і суб'єкт разом*. Сказане не суперечить даній Шпетом характеристиці культури: "Слово є не тільки явище природи, але також принцип культури. Слово є архетип культури; культура — культ розуміння, слова — втілення розуму" [19, с. 207]. Немає культури без суб'єкта, який розуміє, без особистості, втілюючої розум в слово. Значить, і слово і культура гетерогенні. Слово не тільки переплетено в багатьох мовах з дією, реччю, образом, легендою, подією, особистістю і т.д., але і реально вплетено в них, а вони в нього. Між людиною і мовою (словом)

створюється міцна емоційна зв'язь, іноді — навіть діяльна любов до слова, до поезії.

Закладаючи розмову про гетерогенність слова, скажу, що саме вона робить слово дійсністю, дозволяє говорити про світ слова презентуваному людині для безпосереднього сприйняття і дії з ним і в ньому. Звичайно, слово можна і навіть слід розглядати як засіб-посередника, репрезентуючого світ, в тому числі, і світ слова. Безпосередня і опосередкована роль слова однаково важливі в розумінні і дії, котрі, в свою чергу, обумовлюють одне одного.

ГЕТЕРОГЕННІСТЬ СЛОВА В АНТРОПОГЕННОМУ ПРОСТРАНСТВІ КУЛЬТУРИ

Якщо б моя завдання обмежувалася тільки демонстрацією гетерогенності і гетерогенності слова, то тут можна було б поставити крапку. Однак, оскільки питання поставлене про світ буття, в відповідь на нього відповідь повинна йти про гетерогенність слова, образу і дії, і повинна продовжуватися, швидше, починати з початку.

*І там, де зіткнулись бюрократи,
Ребенок мовчання зберігає.
Велика Всесвітня в люльці
У маленькій вічності спить.*

О. Манделштам

І він же про Б. Пастернака, який, за словами А. Ахматової, був нагороджений якимось вічним дитинством: "Набрал в рот всесвітню і мовчить. Завжди, завжди мовчить. Аж жахливо."

*Набравши море в рот,
Да прискає всесвітню*".

Можливо, завдяки своїй дитинській безпосередності Пастернак хотів *Во всем дойти до самої суті*. І це йому вдалося. Мисль про велику всесвітню і маленьку вічність не нова. Б. Паскаль говорив, що "в просторі всесвітня об'ємлює і поглинає мене, як краплю; в мислі я об'ємлю її" [13, с. 113]. Сказане Паскалем стосується далеко не кожному: *Но в думках твоїх всесвітня немає, увы* (Жерар де Нерваль).

Спляча Всесвітня — це виклик, дитина повинна закликати її словом, прервати мовчання, щоб вона проснулася, вочеловечилася і чим раніше, тим краще. Щоб стати мікрокосмом, треба *поняти* макрокосм, *назвати* його і *вмістити* його в себе. Не забудемо, що така робота повинна бути виконана за час *маленької вічності*. Щоб її зробити, недостатньо мати космічними інстинктами, близькими рефлексами, почуттєвостю, пам'яттю і навіть мовою, розуміваним тільки як деяка сигнальна система. Слово не сигнал, а цілий світ, в який треба ввійти, вмістити в себе і з його допомогою *поняти* інші світи. Необхідно повне і повне слово, являючись метою і засобом спілкування і обобщення, слово, само вимагає роздумів, проникнення в його внутрішню форму, ібо *за поверхнею кожного слова таїться бездонна мгла* (Н. Заболотський). Чути слово, *поняти* його, знайти потрібне слово, а тим більше, назвати словом, породити своє нове слово — це велика праця.

Человек приходит в человеческий мир, хорош он или плох, но он уже пронизан и пропитан словом. И человек должен совершать, воспользуемся логикой М.К. Мамардашвили, первоакты или акты первоместимости мира и самого себя, как его части [11, с. 323]. Для того, чтобы такое случилось, мир, настолько включающий в свой состав слово, что его весь можно назвать миром слова, домом бытия, должен удовлетворять кантовскому требованию умопостигаемости, интеллигибельности, а приходящий в мир младенец должен обладать не рефлексами, а картезианским *cogito*. П.А. Флоренский писал, что "в слове исходят из меня гены моей личности, гены той личностной генеалогии, к которой принадлежу я. И поэтому словом своим, входя в новую личность, я начинаю в ней личностный процесс" [17, с. 271]. В Античности подобное называлось *семенным логосом*. Католический теолог Клод Тресмонтан дал поучительную трактовку непорочного зачатия. Сама Дева Израиля была предуготовлена библейской структурой человеческого мышления и языка к восприятию слов Бога живого, а также к тому, чтобы получить и выносить Логос, который стал Плотью, чтобы явиться нам [13]. Еще раз обратим внимание на то, что мир включает в свой состав слово и вновь прислушаемся к Мамардашвили: "...существование в нашей голове каких-то постижений, ориентаций, разных мыслей, эстетических переживаний предполагает как бы предсуществование вот той самой вещи, которую я описывал как некую стихию или феноменоменальную материю, назвав ее Словом" [12, с. 59-60]. А. Белый назвал это предсуществующее Слово зерном, существующим в душе. У младенца, помимо передаваемого ему матерью зерна — Слова и *cogito* должен быть и кураж — могу. Поверим Канту, что мир, скажем мягко, не вполне абсурден, хотя бывает такое, когда *Уровень бреда выше уровня жизни* (М. Цветаева), и обратимся к *cogito*. Бл. Августин в "Исповеди" не устает благодарить Бога за то, что тот дал ему *разум*, с помощью которого он начал понимать человеческую речь. Августин даже сказал, что он этого достиг, наблюдая, куда направлен взгляд взрослого и слушая его речь. Сегодня это доказано с помощью регистрации движений глаз младенца, попеременно фиксирующему свой взгляд на глазах и губах взрослого и прослеживающему направление его взора (Августин не просто догадался, но наблюдал за младенцами!). Подобные акты первоместимости Мамардашвили, вслед за Кантом, назвал "фактами разума": "не разумным знанием конкретных фактов, их, так сказать, отражения, а сам разум как осуществленное сознание, которое нельзя предположить заранее, ввести допущением, заместить "могущественным умом" и т.д. Сознание лишь может быть или не быть. И если такой "факт" есть, то он всеместен и всевремен в открытом им поле и поле возможностей языка и истории (или в пространстве — времени первичной семиотизации)" [12, с. 323].

Есть ли такой акт (и "факт") в индивидуальном развитии? Можем ли мы довериться наблюдениям Августина, а главное — его интерпретации? Действи-

тельно ли у младенца есть разум, кем бы он ни был дарован, — разум (как "осуществленное сознание"), порождающий мысль раньше, чем появится мышление? Ведь мышление — это аппарат для обдумывания мыслей (В. Бион), а если нет мыслей, не на чем и нечем строить аппарат. Разум, сознание — это не инстинкты и рефлексы, даже не допытная готовность, не первичная (нефиксированная) установка, не только потенциал действия, в которых разные исследователи видели начало предпсихического и психического развития ребенка. Может быть, прав был М. Волошин, говоривший, что *Ребенок — непризнанный гений среди буднично серых людей*, которым морально тяжело признать детскую гениальность? Психологам тоже. С легкой руки Ж. Пиаже психологи, изучавшие поведение младенца, главное, можно сказать, исключительное внимание уделяли его сенсорике и моторике и сенсомоторному интеллекту. Пиаже по-своему расшифровал понятие трансцендентальной схемы, выступавшей у Канта как условие априорных синтетических суждений. Пиаже ввел понятия сенсомоторных, перцептивных, операторных систем, с помощью которых он описывал этапы формирования у ребенка до-понятийного, до-вербального сенсомоторного, образного мышления. Тем самым он заложил традицию достаточно жесткого различения бессловесного интеллекта, с одной стороны, и бездейственного, безобразного вербального, с другой. Пагубность такого жесткого разделения видов мышления неоднократно осознавалась и фиксировалась педагогами и психологами, однако для его преодоления делается непростительно мало. Любое мышление полифонично, что не мешает тому, чтобы у каждого его вида был свой контрапункт.

Пиаже и его последователи, конечно, отмечали сроки появления "протоязыков": гуления, лепета, разновидностей плача, но не придавали этим видам экспрессии должного значения, не видели за ними начала семиотизации ребенком своих собственных состояний, в том числе вызванных любовью, заботой, лаской и словом матери. С.М. Эйзенштейн назвал голос *звуковой конечностью*, посредством которой мать дотягивается и дотрагивается до своего чада. Я вовсе не хочу принизить значение сенсомоторики в развитии ребенка. Сам Пиаже, а до него опытные педагоги и психологи, замечали, что игры и упражнения, требующие мелких пальчиковых движений, содействуют развитию речедвигательного аппарата. Я хочу лишь сказать, что человеческий младенец с момента рождения представляет собой одухотворенное существо. Соответственно, и смотреть на него нужно духовным, а не только телесным взором. Напомню опыт А.А. Ухтомского, который даже на нервно-мышечный препарат лягушки смотрел духовным взором, что и позволило ему создать учение о доминанте и заложить основы психологической физиологии. Поэты, художники и философы лучше, чем психологи. К ним и обратимся.

П.А. Флоренский воочию увидел в глазах своего двухмесячного сына Васи даже не сознание, а сверх-

сознание, какое он никогда не видел в глазах взрослых людей. Думаю, что *сверхсознание* в глазах Васи не было спонтанным. Оно пробудилось под заинтересованным и любящим взглядом его папы. Г.Г. Шпет на основании феноменологического анализа сознания пришел к заключению, что независимо от уразумения, которому мы "научаемся", всегда несомненным остается наличие способности к нему. Она может иметь разные степени — от тупости до дара. Эту способность Шпет назвал интеллигибельной, то есть разумной интуицией, которая улавливает укорененный в мире, в бытии смысл. А там, где разум, обязательно присутствует чувство. Деятельность, действия не совершаются, а слова не звучат в бессмысленной пустоте. Ссылаясь на Аристотеля, Шпет говорит о соглашении, *consensus`e*, который не может рассматриваться как результат какого-то развития, а сам есть условие развития. Для объяснения такого *consensus`a* Шпет привлекает *единство рождения*: "Не только факт понимания речи, но еще в большей степени факт понимания в пределах рода, вплоть до самых неопределенных форм его, как механическое подражание, симпатия, вчувствование и прочее, суть только проявления этого единого, условливающего всякое общезнание "уразумения", как функция *разума*" [19, с. 173]. По словам Августина, он, добиваясь понимания его взрослыми, действовал по собственному разуму. Аналогичны размышления М. Хайдеггера, который ввел термин бытийной понятности: "Эта усредненная и смутная понятность бытия есть факт". Хотя понятность — это еще не осмысленность, все же некоторым образом нам доступен и смысл [18, с. 19-21]. В этом же направлении шли поиски доопытного начала у В.В. Библихина. Он говорил не о начале, а о началах, но не разъединял их, а соединял в некоторое интегральное (похоже на декартово *cogito*) единство: *могу — мыслю — понимаю*, утверждая, что такое единство не столько свойство человека, сколько его существо [5]. Бытийную понятность Библихин рассматривал как принимающее понимание, в котором значительный удельный вес может занимать непонимание. Он как бы продолжил мысль Мамардашвили: "Существо, способное сказать "я мыслю, я существую, я могу" (даже минимум — одно), и есть возможность и условие мира. Мира, который он может понимать, в котором может за что-то отвечать и что-то с основанием знать. И достаточно, повторяю, что это случается хоть у какого-то одного существа в любом месте и в любое время, чтобы мир мог существовать" [12, с. 320]. Мамардашвили, как и Хайдеггер, утверждал, что понимание есть элемент самого бытия. Но он отметил важное свойство рождения мысли и понимания: рождающее не предшествует тому, что рождается. Как в приведенном выше примере: самосознание Васи пробудилось "здесь и теперь".

Замечу, что все приведенные авторы говорили о доопытном начале, не затрагивая классической оппозиции нативизма и эмпиризма. Они говорили не о врожденности разума, сознания, а как о само собой разу-

меющемся родовом свойстве человека. Завершу эту тему сильным аргументом Хайдеггера: "Начало скрыто содержит в себе конец. В подлинном начале никогда не бывает примитивности начинающего. У примитивного нет будущего, поскольку нет приносящего дары полагающего основу скачка и заскока вперед. Примитивное не способно давать ничего, кроме того, в плену чего находится оно само, ибо не содержит ничего иного. Начало же, напротив, всегда содержит в себе неизвестную полноту небывалой огромности, а это значит — спора со всем бывалым" [18, с. 213].

М.М. Бахтин также, как Л. Леви-Брюль и К. Леви-Стросс, возражал против сведения развития, например, человеческого мышления к древнему невежеству и незнанию, рассмотрения первобытного мышления на фоне современного. Не без иронии он говорил о необходимости контрольной попытки рассмотреть современное мышление на фоне первобытного и оценить его в свете последнего [3, с. 135]. Подобная контрольная проверка осмысленна и по отношению к детскому и взрослому мышлению. Устами младенца глаголет истина, и это — не слишком сильное преувеличение. Большая память человеческого рода не может быть примитивной. При всей несомненной пользе обогащения детского *cogito* средствами-медиаторами, создаваемые ими надолбы и рвы опосредований уменьшают, а то и уничтожают детскую непосредственность и лежащую в ее основе интеллигибельную интуицию. Возвращение к богатству истоков и начал всегда есть благо. Я, правда, не уверен, что такое возвращение является вечным.

Здесь уместно вспомнить Л.С. Выготского, который различал натуральные (низшие) и культурные (высшие) психические функции, и много думал о том, как преодолевается пропасть между ними. Одна из последних его гипотез датирована 1930 годом: "Высшие психические функции не надстраиваются, как второй этаж, над элементарными процессами, но представляют собой новые психологические системы, включающие в себя сложное переплетение элементарных функций, которые, будучи включены в новую систему, сами начинают действовать по новым законам" [6, с. 58]. С этим можно было бы согласиться, если бы автор указал, откуда берутся высшие психологические системы? В версиях Августина, Шпета, Хайдеггера, Мамардашвили, Библихина мы сразу имеем дело с первичной и высшей (разумное чувство, чувствующий разум) интегральностью. Ей предстоит путь дальнейшей дифференциации и развития. Итогом чего является богатство душевной жизни, с которым имеет дело психология. Кажется, Ж. Ренан говорил, что человек растет корнями вверх. Иногда так представляют себе и Мировое дерево. Разумеется, разговор о начале и началах всегда проблематичен и вызывает нескончаемые споры. Что делать? *Порядок творенья обманчив, / Как сказка с хорошим концом* (Б. Пастернак).

Все же примем положение о том, что младенец сразу готов принять приглашение, вызов со сто-

роны культуры и превзойти достигнутые ею в каких-то областях достижения. Он сам начинает порождать знаки, понятные взрослым, то есть порождать элементы культуры. Прав О. Мандельштам:

*Быть может, прежде губ уже рождался шепот
И в бездревесности кружились листы,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.*

Благодаря доопытному уразумению, чувствующему разуму, оказывается совершенно неправдоподобной *скорость внутреннего прогресса*, которая, по И. Бродскому, *быстрее, чем скорость мира*:

*Скрити, мое перо, мой коготок, мой посох.
Не подгоняй сих строк: забуксовав в отбросах,
эпоха на колесах нас не догонит, босых.*

Разумеется, высокая скорость внутреннего прогресса не противоречит тому, что он длится десятилетиями. Какое отношение все сказанное имеет к гетерогенезу слова, образа, действия? Как образ и действие включаются в ткань слова, что делает его главным принципом *соgnoscendi, домоm бытия*?

Не станем, вслед за Л.С. Выготским, Ж. Пиаже, Дж. Брунером и многими другими, откладывать на 1,5–2 года речевое развитие ребенка. Такое развитие начинается с "верхнего до". Слово сопутствует младенцу со дня рождения. Мать, которую Л. Витгенштейн назвал первым психоаналитиком ребенка, непрерывно комментирует все его поведенческие акты, равно как и свои собственные, связанные с заботой о нем. В таком *слиянном общении и совокупном действии* любящая и преданная мать дарит ему душу, заботу, слово. Слово, как *паутина смысла* (М. Вебер) постепенно обволакивает ребенка снаружи, проникает в его чувства, образы, движения, действия, становится *кровеносной смысловой системой* (Г.Г. Шпет) его внутренней формы. (Сказанное можно рассматривать как еще одну версию интериоризации – интериоризации не интериндивидуальных отношений, не предметной деятельности, а интериоризацию смысла). Мать выступает в роли сеятеля "семенного логоса", который созревает и растет в плодородной почве действий и образов, обильно орошаемых ее собственными эмоциями и эмоциями ребенка. Напомню, что, по Декарту, действие, страсть, претерпевание — одно. В актах такого роста и развития приобретается осязаемый живой опыт опредмечивания и обозначения ребенком своих ощущений, движений, состояний, а также обозначения окружающих его вещей.

Завершая разговор о гетерогенезе, следует сказать, что в ходе развития дифференциация и интеграция идут рука об руку. Дифференциация ведет не к распаду, а к созданию нового. Отдифференцированные элементы сразу же обогащают исходную целостность, а когда их число увеличивается, образуют новую. Другими словами, мы всегда имеем дело с *человеком собранным*, конечно, степень или мера этой собранности может быть весьма различной. Пределом стягивания в одно целое всех человеческих сущностных сил (духов-

ных, душевных, физических) является ответственный поступок, который "есть осуществление решения – уже безусловно, непоправимо и невозвратно; поступок – последний и т о г, всесторонний окончательный вывод; поступок стягивает, соотносит и разрешает в едином, единственном и уже последнем контексте и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное, ибо все входит в его ответственную мотивацию; в поступке выход из только возможности в единственность раз и навсегда" [2, с. 29].

В ответственном поступке, который, конечно, не может быть предметом изучения (может быть только - восхищения, удивления, ненависти) психологии, мы, тем не менее, обнаруживаем оглавление любого учебника психологии, где перечисляются все психические функции. Не забудем при этом, что согласно М.М. Бахтину, не только действие, но и слово тоже может быть поступком. Оно может стать произведением и, тем самым, войти в состав духосферы, ноосферы, в культуру. Не случайно П.А. Флоренский назвал слово амфибией, живущей и во внутреннем и во внешнем мирах.

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФОРМЫ СЛОВА, ОБРАЗА И ДЕЙСТВИЯ

Вызревающее слово становится внутренней формой образов, движений, действий, аффектов, начинает играть роль своего рода метафоры. Внутренние формы, казавшиеся нам невербальными, очень рано становятся вербальными, хотя они еще невербализуемы. Так формируется новообразование, которому М.К. Мамардашвили дал парадоксальное название: *невербальное внутреннее слово*. Происходящая в 1,5–2 года эксплозия, вулканический взрыв речевой деятельности ребенка, рассматривавшийся М. Монтессори как начало речевого развития, представляет собой вовсе не начало, а выход уже созревшего слова наружу. При этом оно выходит не пустым, а впитавшим в себя соки той почвы, в которой оно созревало и росло. Однако это довольно странный "выход". Слово, вкупе со смыслом, выходит наружу и остается внутренней формой актов, которые оно, казалось бы, покинуло. (Это как с душой, чем больше даришь ее другому, тем больше тебе остается.) "Покинув" их, став внешней формой, слово прихватило их с собой, но уже в качестве своей собственной внутренней формы. Такая вот диалектика! Слово есть, и слова нет. Образ есть, и образа нет. Действие есть, и действия нет. Или иначе: В слове, взятом как внешняя форма, присутствуют в качестве внутренних форм образ и действие. По этой же логике в действии присутствуют в качестве внутренних форм слово и образ, а в образе — слово и действие. В актах своего становления они взаимно опосредуют и обогащают друг друга. Они становятся некими целостностями, гештальтами, сенсорными эталонами, оперативными единицами восприятия и действия, допонятийными обобщениями-комплексами, ручными понятиями, житейскими понятиями-представлениями, концептами, научными понятиями и т.п. Их общими чертами являются, во-первых, предметная значимость и смысл, во-

вторых, амодальные дифференциальные и интегральные моторные программы актуализации всех перечисленных новообразований. Так понятия образ и действие вполне заслуживают наименования невербальных внутренних (и внешних) слов, которыми оперируют не только дети, но и взрослые. Впрочем, действие, образ, поза, жест, лицо, молчание тоже могут рассматриваться как внешнее невербальное слово, порой значительно более выразительное, чем слово звучащее. Именно слово, находящееся во внутренней форме перечисленных новообразований, являет нам их смысл.

Разумеется, бахрома внутренних форм слова, образа, действия много богаче: в них имеются перцептивные, операциональные значения, со-значения и молчаливые, но динамичные смыслы:

*В закрытии глаз, в покое рук —
Тайник движенья непочатый.*

О. Мандельштам

На начальных этапах развития ребенка слово привлекает его не столько своим значением, сколько значимостью (В.В. Библихин), даже значительностью (О.А. Седакова). Хочь предупредить против натуралистического толкования внешней и внутренней форм и их соотношения. Внутренней формой слова является не образ вещи со всеми ее чувственными качествами. Такой образ непосилен для слова, он непосилен и для мысли, которая, потащив за собой весь вещный багаж, высоко бы не взлетела. Согласно Г.Г. Шпету, внутренние формы не вещны, а предметны. Предметный момент в структуре слова — это момент не чувственного восприятия, а умственного, интеллектуального: "Слово указывает теперь на нечто презентующее, достигаемое не по указательному персту, не по чувственной интуиции, а по интеллектуальной" [19, с. 218]. Шпет не смешивает "предмет" и "вещь": "И действительно, вещь есть предмет реальный, а предмет есть вещь идеальная" [19, с. 219].

Значит, любая внешняя форма, будь она словом, образом, действием, аффектом содержит в себе превращенные виртуальные, идеальные внутренние формы, что, впрочем, нам хорошо известно на собственном опыте. Мы испытываем дискомфорт, встречаясь с пустым, полым или бесполом словом, с иллюзорно-компенсаторной, суеливой деятельностью, мертвыми картинками, с выпотрошенным символом и, вообще, с фальшивым зайцем.

Мамардашвили говорил о законе названности собственным именем, законе именованности, являющемся условием исторической силы, ее формы: "Глухое переплетение глухих жизненных побуждений, каждое из которых само по себе законно, но безгласно. И — ничего не производится. Что происходит на самом деле? Что есть? Если даже не названо... Невозможно узнать. Более того, неназванной вещи невозможно и стать. Реальность, не имея люфта свободных именованний и пространства связательного движения, не доходит до полноты и целостности жизнеспособного и полноценного существования, до ясного и зрелого выражения

своей самобытной природы. Как и вообще новое, если оно не оказывается в пространстве, охваченным эхом открытой его названности. Это ведь поле, где можно совершать усилие и *отвечать*; оно же и антропогенное поле, антропогенная среда. А как отвечать, если ты не окликут... по имени" [12, с. 62]. Еще более решителен С.С. Аверинцев: "Творец приводил творение в бытие так, что окликал вещи, обращался к ним, дерзнем сказать — разговаривал, заговаривал с ними; и они начинали быть, потому что бытие — это пребывание внутри разговора, внутри общения" [1, с. 816]. В.В. Набоков, знавший ценность общения и познавший его дефицит, писал о прелести недоназванного природного мира и об ужасе, который вызывает неназванный вовсе городской мир. Последний случай — это фантазия писателя, видимо, спровоцированная его эмигрантским опытом (рассказ "Ужас").

Именно антропогенная среда (духосфера, ноосфера, семиосфера, когитосфера, а главное, — сфера непрекращаемого и нескончаемого разговора) и есть необходимое условие гетерогенеза слова, как и гетерогенеза личности, представляющей собой агрегат слов, синтезированных в слово слов — имя (П.А. Флоренский). И именно эта среда именуется словом с момента прихода в нее человеческого существа. С самого начала слово связывается со своим внутренним эквивалентом, будь это вещь, действие, событие, лицо, части тела — свои или чужие и т.п. Это и есть живой принцип опытного овладения словом, в том числе и *кипения* детского словотворчества. Конечно, человек может усваивать термины, обозначающие несуществующие явления и построенные по законам языка. Такие слова О. Шпенглер называл языковыми "псевдоморфами". Они возможны, когда слова не связаны с актами наблюдения, поведения, действия, когда слово, взятое из одного мира, употребляется в другом вне своей, а с навязанной ему новой внутренней формой. Тогда слова становятся знаками без плоти и крови, и мы имеем дело с дублями, утопиями, симулякрами, идеологиями, *обманами путеводными, вечными истинами, из которых строятся казematы* (Вяч. Иванов).

Изложенная логика (и психология) овладения словом заставляет задуматься о том, что человек не просто усваивает, заучивает слово, он его рождает, разумеется, из посеянного семени. В.В. Кандинский в свое время сказал: "Внешнее, не рожденное внутренним, мертворожденно". Справедливо и обратное, высказанное Шпетом положение. Если "внутреннее" только не разрешимая внешне, вовне идея, она ничто: "Но если она — живая действительная идея, она не "только идея", а *идея*, т.е. *вид*, прежде всего, внешний видимый облик" [19, с. 191]. Сказанное имеет прямое отношение к взаимоотношениям внешних и внутренних форм слова, образа и действия и к их порождению. Поэтому-то мы с полным правом говорим: мое слово, мой родной (от рода и отроду идущий) язык. Работает бахтинская последовательность: чужое слово — чужое свое — свое чужое — свое слово. Биби-

хин писал, что поэзия – это вход через собственное слово в собственно слово [4, с. 284], т.е. в *дом бытия*, куда она приглашает читателя. Став своим, собственным словом оно становится своим-живым словом, настоящим функциональным органом индивида, в котором сочетаются силы слова, эйдетической энергии, энергии действия, самого субъекта. Свое слово – это непосредственное, значит, – свободное слово, сбросившее с себя сковывающие его путы опосредований. Оно и воспринимается столь же непосредственно, как музыка. Человек, не имеющий своего слова, сам становится органом, тупым орудием мертвой буквы, мертвого, нередко дурно пахнущего чужого слова. Собственно, он даже не орган, а неистребимый щедринский "органчик", исполняющий только две пьесы – "Разорю!" и "Не потерплю!". История этого города продолжается и поныне. Счастливым исключением из этого правила являются поэты, которые сами, будучи органами языка, в значительной степени определяют его развитие.

Слово, как и образ, и действие, должно быть построено не только в своей внешней, но и внутренней форме. В свою очередь, внутренние формы строят *пространства внутренней избыток* — тот сор, из *какого, не ведая стыда, растут стихи*. Главная тайна обозначена А. Ахматовой: как из этого сора растут стихи? Или: как из своего избыточного видения (М.М. Бахтин) художник создает живописное произведение. И в том и в другом случае из гетерогенного материала выплавляются (или кристаллизуются) чистейшие гомогенные формы? Юрий Тынянов говорил о гетерогенных элементах, внедряющихся в гомогенные конструкции. И эти разнообразные элементы (Ю. Тынянов называл их эквивалентами) динамизируют форму, например, поэзия вбирает в себя образы, которые посылает нам мир [14, с. 149-150], являет их в слове. Аналогичным образом наблюдатель может видеть в картине художника движение, и даже время. Избыточности и богатству внутреннего пространства противостоит пустота или пустыня, которая кроме миража, ничего породить не может. Это хорошо понимал Б. Пастернак. У него была своя версия значения *словесного сора* в творчестве:

*Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь,
Все это – не большая хитрость.*

Таким образом, гетерогенность и гетерогенез слова имеют непосредственное отношение к тайне

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* Собр. соч. / С.С. Аверинцев. – М., 2006.
2. *Бахтин М.М.* Собр. соч. / М.М. Бахтин. – Т. 1. – М., 2003.
3. *Бахтин М.М.* Собр. соч. / М.М. Бахтин. – Т. 5. – М., 1996.
4. *Бибихин В.В.* Грамматика поэзии / В.В. Бибихин. – М., 2009.

творчества. Внешние и внутренние формы слова, образа, действия попадают в алхимический волшебный *плавильный тигль* (В. Гумбольдт, З. Фрейд, Л. Витгенштейн) или в котел *cogito* (М.К. Мамардашвили) (то ли косвенным, то ли прямым подтверждением высокого творческого потенциала, которым обладает *melting pot*, является пример США), где происходит *перековка чувств* (Л.С. Выготский). По рецепту алхимиков в плавильный тигль добавляется несколько унций злости, любви, таланта, гения и выплавляются поэтические, живописные, музыкальные формы, основой и импульсом к созданию которых служит все то же творимое и творящее осмысленное и омысленное слово. О судьбе слова в поэзии неправдоподобно серьезно размышлял обычно ироничный Амброз Бирс:

*А что со словом в стихах?
Как оно там творится?
Сердцем подсказанное,
душой поэта услышанное,
страстью записанное,
глазами чувств прочитанное
и в звуки речи вновь облаченное,
затем в судьбе читателя запечатленное,
слово в мир возвращается, смыслами обогащенное.
В поэзии слово со-творяется и этим словом
смыслы со-общаются.*

*Чудо поэзии – слово претворенное,
Вместившее душу творца,
И этим одушевленное.*

Насколько такая, наполненная смыслом и страстью, работа обладающего творческим потенциалом плавильного тигля является бессознательной, и является ли она таковой, – это сюжет специального разговора [8].

Для читателя, которого не убедило прозвучавшее в настоящем тексте похвальное слово слову, приведу (вместо заключения) гимн слову, принадлежащий Томасу Элиоту:

*Если утраченное слово утрачено,
Если истраченное слово истрачено,
Если неслышанное, несказанное
Слово не сказано и не услышано, все же,
Есть слово несказанное,
Есть слово без слова. Слово
В мире и ради мира:
И свет во тьме светит, и ложью
Встал против Слова немирный мир,
Чья ось вращения и основа —
Все то же безмолвное Слово...*

5. *Бибихин В.В.* Мир / В.В. Бибихин. – СПб., 2007.

6. *Выготский Л.С.* Собр. соч. / Л.С. Выготский. – Т. 6. – М., 1984.

7. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М., 1985.

8. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт / В.П. Зинченко. – М., 2011.

9. *Зинченко В.П.* Слово сильнее государства /

Зинченко В.П. // Альтер-Эго. – 1992. – № 1.

10. *Кандинский В.В.* О духовном в искусстве / В.В. Кандинский. – М., 1992.

11. *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация / Мамардашвили М.К. // Человек в системе наук. – М., 1989.

12. *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация / М.К. Мамардашвили. – СПб., 2011.

13. *Паскаль Б.* Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – М., 2011.

14. *Петровская Е.В.* Теория образа / Е.В. Петровская. – М., 2011.

15. *Рабинович В.Л.* Слово евангелиста Иоанна в учительской культуре средневековья (Опыт комментария) / Рабинович В.Л. // Человек в системе наук. – М., 1989.

16. *Тресмонтан К.* Разум / К. Тресмонтан // Страницы. – 1996. – № 3.

17. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли / П.А. Флоренский. – Т. 2. – М., 1990.

18. *Хайдеггер М.* Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер. – М., 2007.

19. *Шпет Г.Г.* Искусство как вид знания. Избр. труды / Г.Г. Шпет. – М., 2007.

Подано до редакції 01.10.12
